

Андрей Чернов. Украина

Литературовед, литературный критик. Впервые его статьи были опубликованы в 2004 году. Член Межрегионального союза писателей Украины. С 2010-го работает заместителем главного редактора литературно-художественного альманаха «Крылья». Живёт и работает в Луганске.

От редакции

Андрей Чернов рассказывает об интересном человеке, поэте «первой волны русской эмиграции» Владимире Алексеевиче Смоленском. Родился и рос поэт на Дону, где его отец, потомственный казак, полковник, служил в жандармском полицейском управлении. С 1919-го воевал в Добровольческой армии, с которой и эвакуировался из Крыма в 1921-ом. После пребывания в Тунисе жил во Франции, где работал на металлургическом и автомобильном заводах. Поступил в Высшую коммерческую академию; после окончания служил бухгалтером. Входил в ряд литературных объединений Франции, слышал талантливым чтецом. Выпустил три небольших сборника стихов: «Закат» (1931), «Наедине» (1938), «Собрание стихотворений» (1957). Творчество Смоленского высоко ценил В. Ходасевич, которого поэт называл первым среди своих учителей и который сказал о стихах своего ученика: «Тончайшие, исполненные подлинного чувства, умно-сдержанные стихи В. Смоленского...»

Уездный город

Вряд ли современный луганчанин или гость города может себе представить старый Луганск: нищий, вдавленный в степь городок, пыжившийся и жавшийся от зноя к реке. Немногочисленные многоэтажные здания, огромная базарная площадь, златые главы Свято-Никольского храма на Соборной площади. У самой реки возвышались заводские трубы меж хмурых корпусов гартмановского паровозостроительного завода. Четырёхэтажный дом Васнёва на Романовской, бывшей Банковской, казался нелепым Гулливером среди придавленных домиков-лилипотов... Современный луганчанин уже никогда не увидит в перспективе Казанской улицы (ныне ул. Карла Маркса) суровый облик Казанского собора, снесённого в 30-е годы.

Что думал о родном Луганске юный Володя Смоленский, сын полковника жандармерии, «начальника Луганского отделения Екатеринбургского жандармского полицейского управления железных дорог»? Наверное, этот вопрос не так был важен для зрелого Смоленского: уж слишком юным покинул родной город, да и для потомственного донского казака казак памятник был Великий Дон. «...Родился 24 июля [6 августа по новому стилю - А. Ч.] 1901 года в имении моего отца на Дону», - сообщал впоследствии Владимир Смоленский Зинаиде Шаховской.

**А у нас на Дону
Ветер гонит волну
Из глубин голубых в вышину,
И, срываясь с высот,
Он над степью плывёт,
И тогда степь как лира поёт.**

Имение Смоленских находилось под Луганском, в двадцати верстах от города. Именно там рос крупный тонкорукый юнша-брюнет, которого в детстве близкие называли Коша. Неизвестно, как бы сложилась жизнь молодого дворянина Смоленского, однако, едва Володе исполнилось 16 лет, Россию поглотила безжалостная стихия, имя которой Революция.

Отец Смоленского был схвачен большевиками и расстрелян на глазах сына.

**Солдат ребёнка хлещет по лицу,
А у ребёнка щёчка золотая.
Забудь, забудь... Но как забудешь ты
Увиденное этими глазами, -
Небесный луч, срываясь с высоты,
Земными преломляется слезами.**

**«И Ангел плакал
над мёртвым ангелом...
- Мы ушли
за море с Врангелем»**

Известный русский прозаик-эмигрант Гайто Газданов в романе «Вечер у Клэр» приводит интересный диалог между дядей и племянником, который в пятнадцатилетнем возрасте собирается уйти в Добровольческую армию. Дядя убеждает, что за Белой гвардией нет народа и поэтому она

неизбежно проиграет. Племянник соглашается. И прибавляет: именно потому, что проиграет, и уду.

Думаю, Смоленский, как и многие-многие тысячи, тоже это понимал. Бессмысленное братоубийство, кровавая мельница Гражданской войны уносила жизни тысяч дочерей и сынов Отечества. За что боролись? За идеалы? За чьё-то богатство? За царя? Кажется, в этом Судном дне России не было истины иной, нежели собственная жизнь.

Для Владимира Смоленского не могло быть примирения с новой властью ни в Гражданскую войну, ни после, в эмиграции, когда так активно работал Союз возвращающихся на Родину. Расстрел отца перечеркнул возможность примирения.

С большевиками был народ. Именно потому провалился Ледовый поход на Москву, рухнули маршноточные «царства» и «республики», поддерживаемые Антантой. Трагедия Ипатьевского дома лишила Белую гвардию одного из важнейших символов борьбы - царя и наследника престола. Наверное, самые пронзительные строки о последнем монархе написал Георгий Иванов:

**Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица,
И как это было давно.**

**Какие прекрасные лица
И как безнадёжно бледны -
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны.**

Андрей Чернов

Луганский парижанин Владимир Смоленский

очерк

Исход был предreshён. Последний бастион - Крым - пал в 1920 году. С остатками армии барона Врангеля Смоленский покидает родину навсегда.

Чаще всего бежали в Европу, в бывшие российские провинции: в Финляндию, в Польшу, в страны Прибалтики. Достаточно радушно встречали эмигрантов славянские государства: Болгария, Чехия, Югославия. У кого было больше денег, ехали в Германию (Берлин до 30-х годов был сильным эмигрантским центром) либо во Францию, в столицу мира - Париж. У кого не было денег, как, например, у обычных солдат и офицеров Белой гвардии, оставшихся в России всё, кроме собственного достоинства, - тех принимали в лагерь беженцев страны-члены Антанты. В один из таких лагерей, находящийся в Тунисе, попал и Владимир Смоленский.

О двух годах, проведённых Смоленским во французской колонии почти ничего не известно, кроме того, что именно в Тунисе он начал писать стихи. В 1923 году Владимир Смоленский переезжает в Париж.

Русский Монпарнас

Париж 1920-30-х годов претендовал на звание столицы русской эмигрантской литературы. В этом городе вели активную деятельность многочисленные писательские организации, издавались русские литературные газеты и журналы. Так, критик Марк Алданов писал: «Согласно произведённому в 1925 году подсчёту, за границей существовало 364 периодических издания на русском языке...» Эмиграция была целым миром, Россией в изгнании. Пускай многие газеты и журналы выходили непродолжительное время (иногда 2-3 номера), однако литературная жизнь русского зарубежья была чрезвычайно обширной, и в значительной степени она концентрировалась именно в Париже. Здесь жили Куприн, Бунин, Мережковский, Гиппиус, Адамович, Ходасевич, Саша Чёрный и другие литераторы, получившие признание ещё в России. Во французской столице нашли своё пристанище и молодые писатели, оторванные, как и Смоленский, от родины ещё в юности, стремящиеся сказать своё слово в литературе: Юрий Терапиано, Борис Поплавский, Ирина Кнорринг, Гайто Газданов, Владимир Набоков и многие другие...

По большей части эмигрантами становились выходцы из дворянства, люди интеллигентные, как правило, с высоким уровнем образования. За границей им приходилось нелегко, на работу было практически не устроиться. Особенно те, кто приехал без образования, как Смоленский, были вынуждены работать где попало. Владимир Смоленский трудился на металлургических и автомобильных заводах, позже ему удалось получить стипендию и окончить в Париже русскую гимназию. Затем учился в Сорбонне и коммерческой академии, работал бухгалтером. На протяжении всей жизни, терпя материальные лишения, ощущая весь неуют эмиграции, Смоленский не оставлял поэзии.

Неудивительно, что «молодая поросль эмиграции» стремилась в литературу, ей было что сказать и выразить: тягучую тоску по Родине, безысходность своего существования, ненужность ни своей жизни, ни творчества здесь, во Франции. Неслучайно литературный критик Владимир Варшавский назвал это поколение русских писателей-эмигрантов «незамеченным»: хоть и была эмигрантская литература, но не было эмигрантского читателя. Однако, как писал Александр Блок: «Мы умираем, а искусство остаётся». Эмигрантская литература вернулась на свою родину и стала неотделимой частью великой русской литературы.

Казалось бы, какая может быть литература, когда нужно просто выжить? Зачем

писать и издавать стихи и прозу? К чему? Ведь «ни денег, ни славы!» Однако это была их жизнь. Нет, они уходили из реальности не в литературу. Они уходили в Россию, их Россию, живую только в воспоминаниях. Уходили стихами и прозой.

После трудового дня, усталые, но полные жаждой творчества, они - молодые и не очень, опытные и совсем «зелёные» - собирались где-нибудь на Монпарнасе или в районе Латинского квартала, шли в дешёвое кафе - «Селекту» или «Ле Болле». У многих денег хватало лишь на «аскетическую» чашку кофе, а иные не имели даже угля, где бы могли переночевать. Однако они собирались и ночь проводили вместе, жадно прильнув всем своим естеством к Русскому Слову. Возможно, в минуты таких собраний забывали, что находятся за многими-многими километрами от родины? «В Париже ночи сырые, тёмные, розовеет мглистое зарево на непроглядном небе, Сена течёт под мостами чёрной смолой, но под ними тоже висят струистые столбы отражений от фонарей на мостах, только они трёхцветные: белое, синее и красное - русские национальные флаги...» Пожалуй, Ивану Бунину, проведшему не одну монпарнасскую ночь, невероятно ёмко, одной чёткой, удалось передать ностальгическую тоску русского эмигранта в Париже.

На таких собраниях возникали различные литературные объединения и писательские союзы. С одним из них, Союзом молодых поэтов и писателей Парижа, возникшим в 1925 году (с 1931-го - Объедине-

Да, получить популярность среди многочисленных эмигрантских читателей было нелегко. Всякого, кто смог её добиться, менее даровитые собратья по перу без всякого стеснения кололи в глаза «удачливостью».

После 1929 года стихотворения Смоленского более трёх десятилетий регулярно публиковались в различных изданиях русского зарубежья. До Второй Мировой войны - в «Казачьем альманахе» и альманахе «Круг», в журнале «Станица» и «Современные записки», в газете «Возрождение» (всё - Париж), в литературном журнале «Вестник» (Брюссель). После войны - в парижском журнале «Возрождение», американских журналах «Новый журнал», «Опыт» и «Православная Русь», в альманахах «Содружество» (Вашингтон) и «Мосты» (Мюнхен). Добавим, что это далеко не полный перечень изданий, в которых публиковался поэт.

Нужно отметить, что Владимир Смоленский активно участвовал не только в русских эмигрантских писательских организациях, но и в объединениях донских казаков, каковым он и сам был. В 1938 году Смоленский входит в парижский Круг казаков-литераторов. Сообщая об этом, журнал «Станица» (печатный орган Общеказачьей студенческой станицы в Париже) в апреле 1938 года подчеркивал, что хоть Смоленский и «молодой поэт», но «заслуженно имеет весьма значительное место в русской эмигрантской литературе, нутро и даже внешность которого свидетельствуют о полученной им "лире с неба"».

оставил свои «Воспоминания»: «Париж был тёмн, сир, мутен. Начинаясь великий исход. Дикие толпы уходили неизвестно куда... Немецкие лётчики иногда били по этим бегущим толпам. Моя первая жена, Магдалена Смоленская, сыном, на высоких каблучках, ушла в безвыходный поход. Спасла её, конечно, только бесконечная милость Господня к своим безумным детям».

Бомбёжки Парижа и надвигающаяся оккупация заставляли совсем по-иному смотреть на жизнь и смерть. В «Воспоминаниях» Владимир Смоленский описывает своё прощание с Буниным, уезжающим из Парижа: «...на rue de Passy встретил я Бунина. В Бийанкуре горели склады бензина. С неба падали чёрные клочья сажки. "Уезжаю на юг, - сказал он мне. - А что же вы, поэт, будете делать? Куда уезжаете?" - "Некуда мне уезжать, Иван Алексеевич, - сказал я. - Нет денег, да и нет желания. От смерти всё равно не убежишь. Да и есть ли смерть?"

"Ну, ну, - сказал он, слабо и ласково улыбаясь. - Смерть-то, конечно, есть, но в чём-то вы, может быть, и правы". Из окружающей реальности поэт всё больше и больше погружался в «ненастоящий», выдуманный мир. Мир воспоминаний и тоски. Когда очевидно, что терять уже нечего, неизбежно анализируешь всю свою жизнь. В такие моменты наступают важнейшие повороты и в судьбе, и в творчестве. Смоленский в лирике военного и послевоенного периода переходит к лу-

бокой философско-религиозной тематике. Тогда и пишется один из сильнейших стихотворений поэта.

**И верю: предвечное Слово,
Страдающий, изгнанный Спас
Любовно глядит и сурово
На руку, что пишет сейчас.**

**Недаром сквозь страхи земные,
В уже безысходной тоске,
Я сильную руку России
Держу в моей слабой руке.**

Искренняя вера в Бога соединяется с верой в своё Отечество, в неизбежное прояснение мрака над страной. Вспоминаются замечательные строки Анны Ахматовой:

**Так молюсь за Твоей литургий
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над тёмной Россией
Стала облаком в славе лучей.**

В 1957 году увидела свет третья книга В.А. Смоленского «Собрание стихотворений», она стала последним прижизненным изданием поэта. В книгу вошли два предыдущих сборника и новый, названный «Счастье». Глубокая философичность лирики в «Счастье» подняла Смоленского до уровня одного из крупнейших и выдающихся поэтов России XX века.

В одном из стихотворений сборника «Счастье» есть горькие строки:

**Что делал я? Мечтал, работал, жил
В Новочеркасске, в Киеве, в Париже,
С друзьями о бессмертье говорил,
Всё что-то ждал...
- А смерть всё ближе, ближе...**

Осмысление пройденного пути приносит поэту чувство острого неудовлетворения, ощущение бессмысленности мук, борьбы, скитаний. «Вся жизнь, как дым. Остался только Бог».

Последние годы замечательного сына Отечества, «луганского парижанина», были омрачены тяжким недугом - раком горла. В этом есть какая-то зловещая символичность: один из лучших парижских поэтов-декламаторов лишился голоса, умолк, но стихи продолжали рождаться...

**Я любил на земле Свободу,
Одиночество и стихи...**

Свободолюбец, донской казак, воспитанный никогда и ничему не подчиняться, кроме Бога и царя, оказался прикованным к кровати:

**Между жизнью и смертью прослойка -
Ледяная болотная койка.
.....
И победное смерти жало -
Не конец уже, а начало.**

Владимир Алексеевич Смоленский скончался 8 ноября 1961 года. Похоронен на последнем пристанище изгнанных сынов России, парижском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Вернуться в Россию стихами

Сотни имён, колоссальное творческое наследие вернулось в постсоветскую Россию, среди них и Владимир Смоленский. Первый его сборник увидел свет в 1997 году и моментально разошёлся с прилавков. Второй сборник был издан к 100-летию со дня рождения поэта и назывался «О гибели страны единственной...» Ныне ни одна крупная антология русской зарубежной поэзии не выходит без подборки стихотворений Смоленского.

ние поэтов и писателей), был тесно связан и Владимир Смоленский. Возглавлял союз Юрий Терапиано, а Смоленского называли одной из ключевых фигур этой организации.

Путь к признанию

В 1929 году Союз молодых поэтов и писателей в Париже издал первый выпуск коллективного «Сборника стихов», где были напечатаны произведения Александра Гингера, Юрия Мандельштама, Бориса Поплавского, Анны Присмановой, Ирины Кнорринг и других поэтов «незамеченного поколения», среди которых и стихи Владимира Смоленского (это была его первая серьёзная публикация). Литературный критик Константин Мочульский, написавший рецензию на «Сборник стихов», дал такую характеристику первым литературным пробам Смоленского: «В стихах В. Смоленского, скромных и неуксусных, есть что-то настоящее. Между тем словесно они не блещут открытиями. Поэт "плёт от кубка" жизни "жадных глотками", пишет "до последней строчки жизни свиток", он "сладко надеждою томимый"; не чувствуется усилия обновить эти давно стёршиеся выражения - и всё же стихи запоминаются. Быть может, именно потому, что в них не заметно натуги, намеренности, что они как-то по-своему непринуждёны и естественны...»

Недостатки бросаются в глаза - досадные и легко устранимые. Но эти стихи родились счастливыми: они нравятся».

Ненавязчивая оптимистичность простых «стихов-счастливиц» В. Смоленского у многих поэтов вызвала зависть: как «обыкновенные» стихи, без литературных ухищрений и вывертов, могли так нравиться публике? Одно из стихотворений поэта стало не просто популярным, «визитной карточкой творчества Смоленского», как метко заметил Виктор Леонидов, но и символом трагедии Гражданской войны:

**Над Чёрным морем, над белым Крымом
Летела слава России дымом.
.....
И Ангел плакал над мёртвым ангелом...
- Мы уходили за море с Врангелем.**

Об этом неожиданном удачном ассонансе «ангелом - Врангелем» кое-кто из поэтов говорил с нескрываемой завистью: «Большая удача», - писал в своих мемуарах Роман Гуль, один из наиболее именитых писателей эмиграции, сыскавший себе славу уже не в России, а за рубежом.